

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Саския не могла в это поверить: Ромбартус умер! Размеренным шагом ходила она по комнате, судорожно прижав к груди тельце сына, и спокойным голосом, от которого ужас охватывал Рембрандта, пела колыбельные песни — одну за другой. Художник вместе с доктором попытались было забрать у нее остывающий трупик, но Саския, взглянув на них пустыми глазами, тихо удивилась: «Разве не видите? Он же спит. Вы его разбудите» — и колыбельная зазвучала вновь.

Фото репродукции картины
«Ночной дозор». 1642 г.

Рембрандт. Фото репродукции
«Автопортрета». 1629 г.

Когда мертвого ребенка все-таки удалось унести, Саския наконец вышла из оцепенения, и весь их большой роскошный дом затопил отчаянный крик. Она долго не могла оправиться от этой потери, и только со второй беременностью к ней вернулись жизнь и задор:

Саския не сомневалась — теперь все будет хорошо. Окрыленный муж, с нетерпением ожидая появления младенца, мечтал: если Бог подарит девочку, они обязательно назовут ее в честь матери Рембрандта — Нелтье. Но вопреки ожиданиям роды прошли трудно, с осложнениями, и девочка умерла, не прожив и пяти минут... Несколько месяцев Саския почти не вставала с постели, отрешенно глядя в окно или машинально перебирая паутину кружев на рукавах ночной рубашки. Почти так же она пережила и потерю третьего ребенка. Еще молодая, некогда смешливая проказница превратилась в молчаливую, раздавленную горем женщину.

Может, в те дни Рембрандту стоило вести себя иначе? Быть чаще с женой — все-таки горе переносить легче, когда рядом близкий человек. Но сам он забывался только в работе, только в ней находил утешение, писал с остервенением — то широко размахивая кистью, то тщательно выводя мельчайшие детали на праздничном

Вернувшись после похорон Саскии, Рембрандт посмотрел на сына. Титусу нет и года, как же он теперь без матери?

костюме очередного заказчика. В те дни он роптал на небо, был зол и несчастен.

Узнав о четвертой беременности Саскии, он уже не радовался, как прежде, только мучительный страх и чувство вины жили в его душе. Но на сей раз Бог, кажется, сжалился над ними. Мальчик родился здоровым и красивым, похожим на ангела: нежный овал лица, большие глаза и светлые завитки волос. «Дитя любви» — так называли Титуса многочисленные знакомые и друзья художника.

Теперь у Рембрандта было все, о чем он только мог мечтать: вот так бы и сидел целую вечность, глядя, как играют мать и дитя, наслаждаясь переливами колокольцев их счастливого смеха. Но, увы, работа не дает забыть о себе, групповой портрет роты капитана Кока — заказ большой и трудный. Картина отнимала много сил, и Рембрандт не замечал ничего вокруг, кроме холстов и красок.

Когда он впервые заметил пятна крови на белоснежном платке Саскии? Она вытерла поблекшие губы — и его сердце словно обожгло льдом: он сразу все понял. Бедная маленькая фрисландка, ее слабое здоровье не выдержало испытаний. Почему Отец Небесный, дав одну жизнь, отбирает другую? Мысли путались в голове — он не мог, не хотел даже на секунду представить, что Саскии не станет. Он продлит ей жизнь — пусть только

Фото репродукции картины
«Саския в образе Флоры». 1634 г.

на полотне. Он успеет, пока она еще жива. Рембрандт представил среди почти одинаковых мужских фигур со встревоженными лицами образ-видение златокудрой девочки в сотканном из солнечного света платье, стремительно убегающей от кого-то. Может быть, от смерти?..

...Вернувшись после похорон Саскии в пустой дом, Рембрандт долго-долго молча смотрел на сына: маленькому Титусу нет и года, как же он теперь без матери? Бедная моя Саския, тебе было всего тридцать... Сколько близких ушло в мир иной за последние несколько лет: мать, учитель, отец, трое едва начавших жить детей. Но все прежние потери — всего лишь боль, порой невыносимая, переворачивающая душу, но проходящая со временем. Теперь же внутри — только чудовищная пустота.

Нет, милая Саския останется с ним навсегда, ведь он столько раз дарил ей жизнь на холсте! Вот она: то юная Флора в венке из ярких цветов, то Вирсавия за туалетом, то целомудренная Сусанна, то святая мученица Екатерина. Однако больше всего Рембрандт любил «Данак». Всю свою любовь, всю нежность излил он в трогательном образе женщины, ожидающей возлюбленного, который является как дар Небес — золотым дождем. Нет,

Положение Хендрикье стало невыносимым — весь Амстердам судачил о будущем материнстве служанки ван Рейна

эта картина не предназначалась для продажи, она — его душа. «Саския, ведь ты поняла меня?» — прозвучал вопрос, обращенный в пустоту.

Почти десять лет спустя Рембрандт переписал свою «Данак». Тогда его душой уже владела Хендрикье Стоффельс, и ему в голову пришла фантастическая, невероятная мысль — соединить в возлюбленной Зевса черты обеих дорогих ему женщин. И он воплотил свою мечту...

Хендрикье — еще одна невосполнимая потеря. Она умерла от той же болезни, что и Саския. И Рембрандт опять слишком поздно заметил, что смерть ходит рядом: Хендрикье тщательно скрывала свой неизлечимый недуг.

В те дни осунувшийся, постаревший Рембрандт листал и листал засаленную Библию. Вчитываясь в священные строки, он пытался найти ответ на единственный мучивший вопрос: «Почему?» Разве не довольно с него несчастий? Со смертью Саскии Господь словно отвернулся от художника: его гений, его талант оказались не нужны, вкусы изменились, и теперь никому не интересны ни его библейские сюжеты, ни уставшие, словно переживающие заново всю свою жизнь старики. Его удивительное умение зажечь фантастическим светом даже

самые темные и грязные цвета теперь кажется вчерашним почитателям грубой безвкусицей, не имеющей ничего общего с изяществом и красотой.

Заказов почти не стало. Почтенные бюргеры хотят видеть на холсте свои персоны, запечатленные в прилизанной итальянской манере или в стиле модного Рубенса, творящего жизнерадостное буйство чувственных красок. Как Рембрандту смешны эти пышные тела, пронизанные плотоядным весельем! Нет, он не изменит себе, ничто и никогда не заставит его потакать «вкусам и моде». Не раз он надменно и зло бросал в ответ на чье-нибудь робкое предложение кое-что изменить в картине: «Рембрандт будет писать так, как пишет Рембрандт». Гордость обошла его дорого.

Сначала никто из горожан и внимания не обратил на то, что в доме ван Рейна появилась молоденькая милотвидная служанка. Оно и понятно — намного выгоднее нанять девушку из отдаленной деревни, нежели подыскивать прислугу в Амстердаме. Но когда Рембрандт выгнал сварливую кормилицу Титуса и они с Хендрикье Стоффельс остались в доме одни, по всей столице немедленно поползли слухи...

Вскоре положение Хендрикье стало невыносимым — ее округлившиеся формы дерзко и открыто говорили

Дом Рембрандта в Амстердаме,
где он жил в 1639–1658 гг.
(музей художника с 1911 г.)

Он напишет портрет Хендрике во всем расцвете зрелой женской красоты. Чуть надменно, со счастливым блеском в глазах, приняв вальяжную позу, она будет взирать на «почтенных бюргеров», не скрывая обручального кольца.

Фото репродукции картины

«Портрет Хендрике Стоффельс». Около 1659 г.

об их тайной любви и будущем материнстве служанки ван Рейна. Весь Амстердам обсуждал эту новость. Хендрике не раз приходилось стыдливо опускать глаза под чьим-нибудь нескромным взглядом, с любопытством скользившим по ее животу, и заливаясь густым румянцем, уловив нарочито громкое перешептывание и смешки за спиной. Мало того, эти сытые ханжи вызвали ее на Совет старейшин в церковь и вынудили принародно покаяться в своем грехе!

Внебрачный ребенок, преступная любовь... Да что эти святоши знают о любви! Когда Хендрике в воскресенье, как обычно, с тихим спокойствием собралась и ушла в церковь, Рембрандт ничего не заподозрил. Он узнал, в чем дело, только когда увидел ее заплаканное лицо после возвращения с судилища. Бедная, как же она выдержала этот «духовный суд», на котором ей отвели унижительную роль блудницы?! Волею судьбы Рембрандт не может жениться на Хендрике, поскольку

Родственники Саскии, оскорбленные скандальной связью Рембрандта с прислугой, лишили его финансовой поддержки

в случае его повторного брака — таково условие родни умершей Саскии — он и флорина не получит с банковского счета, чем обречет свое семейство на голодное существование. Но он напишет портрет Хендрике во всем расцвете зрелой женской красоты. Чуть надменно, со счастливым блеском в глазах, приняв вальяжную позу, она будет взирать на «почтенных бюргеров», не скрывая обручального кольца. Их брак заключен на Небесах, и нет ему дела до людских пересудов. Другое дело — Хендрике. Она так боялась отлучения от общины, что вынуждена была признать плод их любви смертным грехом...

Тем временем дела Рембрандта шли все хуже. Так что требование внести оставшуюся сумму по закладной за роскошный дом, купленный еще в ту пору, когда он был знаменит, богат и счастлив с милой Саскией, стало последней каплей, переполнившей чашу. Денег нет, надежда была только на верных друзей. Слава Богу, почти все они люди состоятельные и необходимая Рембрандту сумма для них — пустяк. Каково же было его удивление, когда во всем Амстердаме не нашлось ни одного человека из числа бывших друзей, почитателей его таланта, знакомых и близких, кто ссудил бы его деньгами! Ник-

то не верил, что Рембрандт сможет вернуть долг. Кому нужны его непонятные картины? Ни один «почтенный бюргер» не решится заказать ему портрет, потому что никто не захочет видеть своих морщин и потухшего взора... Заказчики предпочитают, чтобы художник, которому они платят, им льстил.

У Рембрандта оставалась последняя надежда на банк, но и она тоже рухнула. Семейство ван Эйленбюх, оскорбленное скандальной связью Рембрандта с Хендрике и рождением внебрачной дочери, малышки Корнелии, лишило его финансовой поддержки. Родственники Саскии подали жалобу в суд Фрисландии и добились дальнейших выплат со счета Саскии только с их разрешения. Художник сначала даже онемел от неожиданности. Строки судебного решения расплывались перед глазами: «Прекратить выплату денег, завещанных покойной Саскией ван Эйленбюх».

На аукцион, где все его имущество распродавалось с молотка, Рембрандт не пошел. Его не интересовало, кто будет торговаться за право владеть любимым домом, мебелью, драгоценной коллекцией полотен великих художников.

Фото репродукции картины
«Возвращение блудного сына».
Около 1669 г.

